

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Университет двух императриц
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454615

Аннотация

«В моей дорожной шкатулке есть связки пожелтевших заметок из старинных книг и записок. В заметках я желал сохранить для себя те мелочи, то живое дыхание старины, которое исчезает так же быстро, как след дыхания на стекле. И вот эти беспорядочные заметки о Московском университете в восемнадцатом пудреном веке...»

Иван Созонтович Лукаш

Университет

двух императриц

В моей дорожной шкатулке есть связки пожелтевших заметок из старинных книг и записок. В заметках я желал сохранить для себя те мелочи, то живое дыхание старины, которое исчезает так же быстро, как след дыхания на стекле. И вот эти беспорядочные заметки о Московском университете в восемнадцатом пудреном веке.

Указ об основании университета Московского воследовал 12 января 1754 года, самое же открытие – 26 апреля 1755 года.

Известны две медали, выбитые на открытие университета: на большой, с лицевой стороны – профиль императрицы и надпись вокруг: *D. G. Elisabetha I Imp. Aucto. Omn. Ross.*, а с обратной – аллегорическая фигура России, окруженная искусствами и науками, сидящая у пьедестала, где щит с вензелем императрицы. Вдалеке видна Москва. Вокруг надпись: *Nova Sibi monumenta paravit*, над фигурой России – *Academia Mosc. Instit. MDCCL IV.*

На малой медали видна сидящая Паллада, с венком в руке, окруженная искусствами и науками. Внизу надпись:

В те годы неведомый пиита такими стихами прославил Елисавету:

Хвала Тебе, Елисавета,
В царицах мудрая жена.
Твоей рукой лампада света
В столице древней возжжена.

При открытии университета профессор Антон Алексеевич Барсов в речи своей, признавая первоначальное грехопадение человека за непреложную истину, призывал науки «хоть отчасти вознаградить сей урон и возвратить нам естество наше».

Барсов был ученик Ломоносова. Он был и большой филолог, и большой чудак. На лекции он носил с собою огромную сафьяновую кису, набитую книгами, которая устрашала студентов. Над ленивыми студентами он подшучивал и ко всякому слову прибавлял «судырь». Однако был добрый человек, и все его любили.

Денег на основание университета от казны и жертвователей поступило сорок одна тысяча рублей с копейками. Открыто было три факультета: юридический, медицинский – с одним профессором и философский – с осемью профессорами. Жалование ординарному профессору было назначено по 500 рублей в год. Студенты жили на жалование от казны,

по 100 рублей в год.

Осенью 1761 года императрица Елисавета тяжело заболела. Гетман Разумовский, только что отпраздновавший свадьбу племянницы своей, поскакал в Петербург.

По дороге он остановился в Москве, чтобы осмотреть молодой университет, которому едва минуло первое пятилетие. В провождении куратора Веселовского, с вельможами, гетман вошел сначала в латинский класс ректора Шадена, где встретили его речью и стихами латинскими, и здесь выслушал он перевод на русский язык из Цицероновых писем, потом историческую лекцию профессора Рейхеля. В большой аудитории профессор Барсов встретил его русским приветствием. Профессор Фроманн взошел на кафедру и прочел лекцию о вероятности (*de probabilismo*). Затем следовали юридические тезисы: *de principibus juris naturae* между студентами Дилтея. Из большой аудитории гетман перешел во французские классы Билона, Бойе и в латинский класс Попова. Затем поехали в дом, где жили пенсионеры. Гетман осмотрел его, типографию и словолитню; посетил камеру, где читаются физические лекции. Показав инструменты, профессор Рост сделал опыты с надлежащим вниманием. В заключение гетман осматривал минералогический кабинет, химическую лабораторию, где показаны были некоторые малые опыты, и, наконец, библиотеку. Обзор университета окончился обедом у куратора.

В 1764 году императрица Екатерина II изволила повелеть учредить при университете анатомический театр для изучения анатомии. Среди редкостей медицинского кабинета был «зубной ключ Петра Великого». Через три года в наказе генерал-прокурору императрица об университете писала: «В тяжелых материях или разногласии между учеными по усмотрению генерал-прокурора требовать мнения университета».

В 1768 году, вскоре после издания наказа Екатерины II, лекции на всех факультетах университета начали читать природные русские и на русском языке. Главным противником языка латинского был профессор Поповский, который при открытии своих философских лекций объявлял: «Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить невозможно было».

В 1785 году императрица пожаловала университету место на Моховой, прежде принадлежавшее князю Барятинскому, и 125 тысяч рублей для построения нового дома. К 1788 году дом был выстроен и при нем церковь великомученицы Татианы, расписанная художником Клауди. В храме находились две иконы Николая Чудотворца и Елисаветы, писанные римским живописцем Рубио в стиле византийском.

В 1794 году университет совершил первое производство

в степень доктора медицины.

Екатерина II писала: «Я вовсе не люблю Москвы и откровенно выскажу мое чувство: Москва – столица безделия, и ее чрезмерная величина всегда будет тому главной причиной. В Москве на каждом шагу иконы, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищие, воры, бесполезные слуги в домах, и какие дома, и какая грязь в домах, площади которых огромны, а дворы – грязные болота».

Такая Москва и ее брадатый народ, похожий в охабнях на дымных медведей, долго косились на новую затею, на «лампаду света, возжженную в древней столице», и на ее «персон» в пудре и косицах, словно бы шведов в синих кафтанях. По Москве ходили слухи, что на Моховой немцы режут живьем православный народ. Слухам верила не только чернь и челядь, но и московские барыни, бригадирши с Балчугов или Сивцева Вражка, но и полиция. Профессору анатомии Эразмусу приходилось читать особые лекции о том, что наука отнюдь не безбожие, а медицина не живодерное ремесло.

Университетские студенты жили в обширных залах главного здания, именовавшихся камерами, и ходили всегда в пудре, с косицами в кошельках, как и прочие вольные граждане российские: носили студенты кафтаны и камзолы, треуголки и благородные шпаги, которые им вручались торжественно на актах при вступлении в университет. Зимой носили поверх кафтанов тулупы, а на голове прародительские

треухи.

В камере отличнейший по успехам студент занимал лучшее место, в красном углу, под образами. Такой студент назывался камерным. А в благородном пансионе университета лавки в классах были устроены горой, и называлась самая верхняя Парнасом. В столовой зале лучшим студентам предлагался и лучший обед, а для ленивых в углу был особый «осиновый стол», на который ставилась только чудовищная миска со щами.

В 1763 году конференция просила отменить лекции после обеда зимой при наступлении сумерек, с 5 часов вечера, дабы студентов не загрызли на улице собаки или не ограбили воры.

За дурное поведение студентов сажали на хлеб и воду, одевали на три дня в мужицкое платье и обували в лапти, отобрав благородные шпаги, а на деньги, вычтенные из студенческого жалования, покупали таким арестантам Библию на славянском языке, которую студенты и должны были читать по воскресеньям, отбивая поклоны.

На Пасху для развлечений на университетском дворе устраивались двое или трое качелей. С Фоминой недели, с весны, учинялись по временам на дворе и воинские экзерциции. Прогулки студентов за город, в подмосковные, совершались обычно в строю и попарно. «Эва, пленных шведов

ведут», – говорили мужики.

На кулачные бои у Заиконоспасского монастыря или на Неглинной выходить студентам строго запрещалось. За кулачные бои студентов судили профессора-юристы. Все дела излагались на латинском языке.

Особенно любили студенты профессора Антона Барсова и профессора Харитона Чеботарева, который, сказать кстати, первый в России начал писать без «еров».

Историк Чеботарев, как и куратор университета Херасков, «у которого тряслась голова», были мартинистами, московскими кавалерами Розы и Креста, старинными вольными каменщиками. В мартинистские восьмидесятые годы осемнадцатого века в университете была своя ложа вольных каменщиков – «университетская».

В те годы отставной поручик, великий кавалер Розы и Креста, мартинист Новиков принял по договору содержание университетской типографии, открыл свою вольную типографию, учредил типографическую компанию, поставив в ее мастерских до двадцати печатных станков, дело небывалое по размерам не только в тогдашней России, но и в Европе, поднял университетскую газету «Московские ведомости», усилив ее «тираж» с 600 до 4000 экземпляров, что почиталось тогда успехом невероятным, в пять-шесть лет создал громадное издательство, выпустившее несколько десят-

ков тысяч томов по истории, философии, религии, открыл книжные лавки с первыми в России библиотеками, «кабинетами для чтения», открыл аптеку. Тогда же университетский профессор немецкого языка, великий маг Златорозового Креста Иван Шварц, при помощи Новикова и его друзей учредил в мае 1781 года «Собрание университетских питомцев», «Учительскую семинарию», «Общежитие для студентов», «Дружеское ученое общество для поощрения российских наук и художеств», с торжественными публичными собраниями в доме мартиниста Петра Татищева у Красных Ворот...

Но обрываются на этом мои беспорядочные заметки, неоконченный рассказ старинной шкатулки о Российском университете двух императриц.